

*Посвящается
моей дочери Александре*

Каждый контакт оставляет след.

*Эдмон Локар,
отец современной криминалистики*

1927 год

27 мая, пятница

Колокол на южной башне собора Парижской Богоматери пробил одиннадцать раз. До конца дежурства оставалось восемь часов. Все мои пациенты спали, травм и аварий не случилось. Я устроился на скамье средневекового внутреннего двора госпиталя и только впал в блаженную полудрему, как с крытой галереи послышался голос медсестры Мартины:

— Доктор Воронин, ваша жена ждет вас в приемной!

Елена стояла у больничных дверей в черном коротком платье. Светлые волосы растрепались, руки сжимали сумочку. Под высокими сводами Отеля-Дьё она выглядела маленькой, растерянной и такой испуганной, что сразу вспыхнул мальчишеский рефлекс обнажить меч и защитить ее от всех драконов. Но после семи лет супружества я знал, что жена способна сама справиться с любым драконом.

— Воробей, французские кавалеры не проводили тебя домой?

Она обняла меня, уткнулась в ворот пропахшего карболкой врачебного халата, ее теплое дыхание и волосы приятно защекотали шею.

— Я сбежала. — Она подняла лицо со знакомой смесью выражений: ресницы еще слипаются от слез, на дне потемневших глаз плещется обида, а губы уже морщит задорный кураж. — Люпон ко мне пристал. Мне пришлось спасаться бегством.

— Вот негодяй! Что он сделал?

— Дурак! — Елена покраснела, махнула рукой. — Я спустилась в дамскую комнату, а когда вышла, встретила его в фойе. Потный такой, самодовольный, пьяный. Подошел почти вплотную и прямо в лицо своим вонючим «Голуазом»: «Прекрасная Елена, приходи завтра ко мне в ателье, я покажу тебе вещи, столь же прекрасные, как ты сама...» — и все это на «ты»! Я сначала подумала, что меня мой французский подвел. Представляешь?

Она поднялась на цыпочки, потерлась щечкой о мою щетину. Я не хотел представлять себе наглого фата, пристающего к моей жене.

— Зря ты пошла на этот ужин.

Елена отступила на шаг, обиженно насупилась, я спохватился:

— Ладно, черт с ним. Ты ни в чем не виновата, любовь моя.

— Я не оправдываюсь, просто рассказываю. Я ему говорю: «Месье Люпон, при случае мы с мужем будем рады полюбоваться вашей галереей». А он схватил меня за руку, притянул к себе и с гнусной такой усмешкой: «Похоже, твой муж слишком занят. Приходи одна».

Я, наверное, изменился в лице, потому что Елена быстро добавила:

— Саш, клянусь, я не давала повода! Он правда был сильно пьян. — Она сердилась, одновременно

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВКУС ПАРИЖА

смушалась и от этого сердилась уже на саму себя. — Я больше ни одной минуты не могла там оставаться. Повернулась, выскочила из ресторана и сразу к тебе. Всю дорогу бегом.

— Ну и молодец. — Я поцеловал ее в висок, вдохнул сладкий теплый аромат ее духов. — Завтра разберусь с ним. Пожалуйста, не волнуйся. А что это у тебя с ногой?

Черный шелковый чулок на правой коленке был продран, из дыры выглядывала свежая ссадина.

— Ерунда. На мосту оступилась и упала.

Медсестра Мартина Тома строго следила за нами из-за регистрационной стойки. Я подмигнул Елене:

— Здесь есть свободная палата, давай я тебя ненадолго госпитализирую для обстоятельного осмотра?

Она покраснела, засмеялась, виновато взглянула на суровую Мартину.

— Сашенька, смертельно хочется спать. Вызови такси, а?

Я отпустил ее осторожно, как неустойчивый стеклянный бокал, отошел к стойке, продиктовал Мартине телефонный номер своего приятеля — владельца таксомотора. И все время продолжал смотреть на Елену, потому что смотреть на нее было чистым удовольствием и мне не хотелось оставлять ее даже на минуту. Затем вернулся к ней.

— Сейчас приедет Дерюжин, доставит тебя домой в целости и сохранности. Дай хотя бы продезинфицирую царапину.

Она села на скамью, я опустился перед ней на корточки, подул на ранку, промокнул колено ваткой в спирту и, наплевав на бдительную Мартину, закончил медицинскую процедуру панацеей поцелуя.

Потом проводил жену до угла Рю-де-ля-Сите, куда через минуту подъехал знакомый «Ситроен». Пытаясь собственной галантностью возместить хамство парижских жуиров, я распахнул перед женой дверцу. Елена скользнула внутрь.

— Воробей, я завтра же вызову твоего оскорбителя на дуэль.

Ее глаза блеснули из недр автомобиля:

— Ты не должен заступаться за меня. Я сама прекрасно разберусь.

Через открытое окно я поцеловал ей руку, положил под лобовое стекло десять франков и кивнул Дерюжину:

— Спасибо, полковник.

Свет фар «Ситроена» еще не успел пересечь мост Нотр-Дам, как с Малого моста напротив послышалась сирена. Со скрежетом и визгом у входа в госпиталь затормозила машина «Скорой помощи». Санитары вытащили носилки, на них без сознания лежал залитый кровью мужчина в вечернем костюме.

По пути в операционную я безуспешно пытался нащупать пульс. Наконец на сонной артерии уловил трепыхание — быстрое и слабое, как новорожденный птенец. Минувя регистратуру, крикнул Мартине:

— Сестра, доктора Шаброля! Скорее! Нам понадобится помощь!

В операционной санитары переложили раненого на стол. Один из них заглянул в сопроводительную бумажку:

— Ив-Рене Люпон, сорок один год, ранен в грудь.

— Ив-Рене Люпон? Антиквар?

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВКУС ПАРИЖА

— Не знаю. Вызов приняли от ресторана «Ля Тур д'Аржан», обнаружен раненым под мостом Турнель.

Санитары ушли, забрав с собой окровавленные носилки.

— Сестра Тома, это, оказывается, тот самый Люпон, который приставал к моей жене!

— Для меня это просто раненый, — сухо отрезала медсестра.

Мартина Тома работала в госпитале тридцать лет кряду, а я прибыл в Отель-Дьё три месяца назад из Тегерана. Ей было пятьдесят семь лет, мне на двадцать меньше. Все это позволяло сестре милосердия обращаться со мной сурово.

— Сестра, нужен таз с большим набором для вскрытия грудной клетки.

В отличие от Мартины для меня это был не просто раненый. Теперь вместо того, чтобы вызывать обидчика жены на дуэль, я должен был спасти его. Впрочем, роль благородного спасителя тоже дарила сатисфакцию.

Черный обеденный пиджак месье Люпона почему-то был перемотан шелковыми женскими чулками. Я содрал чулки, распахнул полы смокинга. Из кармана вылетели и со звоном укатились под операционный стол два брелока с ключами. Я плеснул на ватку нашатырь, сунул пациенту под нос. Он вздрогнул и застонал.

— Ив-Рене, вы меня слышите? Кто вас ранил?

Люпон пробормотал что-то невнятное, на губах выступила кровь. Я склонился к его лицу. Он снова попытался что-то сказать, но выдавил из легких только бульканье и тихий, похожий на кряхтение шелест. Если это и было чье-то имя, я не расслышал

его. Больше всего этот всхлип напоминал по звучанию «персан». *Persane?! Персиянка?! Из-за того, что мы прибыли из Персии, Елену в Париже называли «прекрасной персиянкой» или «русской персиянкой». Я сунул Люпону под нос всю склянку с нашатырем:*

— Ив-Рене, кто стрелял в вас?

Распахнулась дверь, Мартина вкатила стол с ватой, бинтами, спиртом, анестетиком и хирургическими инструментами. Больной прохрипел еще невнятнее:

— Перся... прсяк...

Мартина положила ладонь ему на лоб:

— Тихо-тихо, успокойтесь, сейчас мы вам поможем. Все будет в порядке.

Люпон потерял сознание. Я разрезал ножницами алую от крови, насквозь промокшую сорочку. Под правым соском краснела аккуратная круглая дыра от пули. Протер руки карболкой, щедро плеснул ее на рану. Мартина привязала руки и ноги пациента к столу, положила ему на лицо маску с эфиром. Ждать полного эффекта анестетика было некогда, раненый уже захлебывался собственной кровью.

— Сестра, следите за дыханием!

Взмахом скальпеля я рассек кожу на груди и с силой перебил стамеской ребра, чтобы добраться до продырявленного сосуда. Краем глаза заметил вошедшего доктора Шаброля. От него пахло жареным луком и котлетами. Шаброль склонился над больным и сыто икнул:

— Коллега, напрасный труд. Этот не жилец. Задет большой сосуд, легкое коллабировано.

Я не спорил: вся грудная полость была залита кровью. Однако несчастный еще был жив. Я не мог

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВКУС ПАРИЖА

лишить его последнего шанса на спасение. Надо было положить зажим на правую легочную артерию, но мешала кровь. Я качал ногой насос, а она все лилась и лилась. Стало ясно, что все это безнадежно, пациент уходит. В отчаянии я попытался добраться до легочной артерии вслепую, но без пульса никак не мог найти ее. Голос Мартины над ухом произнес:

— Доктор, грудная клетка не двигается. Он перестал дышать.

— Нет, нет... — с меня всюю капал пот, я вытер лоб о плечо. — Интубируйте его.

Пока Мартина вставляла в горло трубку, я нащупал в грудной клетке сердце. Оно и вправду не билось. Я попытался сделать массаж, но сердце оставалось совершенно недвижимым куском плотного мяса. Я вынул руку, уже не спеша вытер кровь о простыню.

— Оставьте, сестра. Он умер.

Мартина собирала инструменты, а я долго и ожесточенно оттирал окровавленные руки, вычищал темную кровь из-под ногтей, тщательно высушивал ладони полотенцем. Наконец собрался с духом:

— Посмотрю, здесь ли родственники.

В зале ожидания ко мне подсолнухами обернулась дюжина бледных взволнованных лиц. На женщинах колыхались полупрозрачные атласные и муслиновые платья с блестками, качались длинные бусы, сверкали бриллианты в ушах. Мужчины переминались пингвинами в обеденных черных смокингах и фраках, в белых рубашках. Эти неуместные вечерние туалеты придавали случившемуся абсурдную опереточность. Собравшиеся расступились, и мне

навстречу шагнула худая женщина в тонком сером джемпере и узкой юбке, с гладко собранными волосами и восковым лицом.

— Доктор...

Высокий жгучий брюнет в белом кашне, с напомаженными тонкими усиками и зализанными назад, сверкающими от брильянтина волосами все понял и тут же поспешил вклиниться между нами, словно надеясь предотвратить ужасную весть. Но у меня не было выхода.

— Мадам, ничего нельзя было сделать. Месье Люпон скончался. Рана оказалась смертельной. Я глубоко сожалею.

Женщина пошатнулась. Усач обнял ее, принялся поглаживать ее предплечья:

— Одри, Одри, я тут, я с тобой, мы все с тобой...

Она стояла в его объятиях неподвижно, опустив руки. Остальные присутствующие сгрудились вокруг.

Через несколько минут вдова высвободилась и обратилась ко мне:

— Доктор, проводите меня к нему.

Я повел ее в операционную. Утешитель двинулся следом, но мадам Люпон жестом остановила его. Помедлила несколько мгновений на пороге, подошла к прикрытому телу на столе, сама приподняла простыню с лица трупа и замерла, нахмутив брови и плотно сжав бесцветные губы. Меня поразила выдержка этой женщины, только что узнавшей о гибели мужа. Я слегка покривил душой:

— Он не страдал, мадам. Он даже не приходил в себя.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВКУС ПАРИЖА

Не оборачиваясь, мадам Люпон скорее приказала, чем попросила:

— Дайте мне с ним проститься.

Я замялся, она сухо повторила:

— Не ждите меня, я вернусь сама.

Ужасно не хотелось оставлять ее одну с покойником в холодной комнате без окон, но мадам Люпон умела приказывать.

В зале ожидания к друзьям Люпона присоединился мужчина средних лет в надвинутом на уши котелке. Его бесформенный серый костюм вопил диссонансной нотой среди фраков и смокингов прочих мужчин. Он отвел меня в сторону и предъявил удостоверение:

— Доктор, я инспектор Валубер из Сюрте¹, из отдела судебной полиции префектуры.

Он был намного ниже меня, к тому же поля котелка мешали разглядеть его лицо. Оставалось лишь общее впечатление чиновника среднего сложения, средних лет и средней наружности.

— Что вы можете сказать о ранении?

— Огнестрельное ранение в правое легкое. Он скончался от потери крови.

Инспектор повернулся к друзьям покойного:

— Дамы и господа, прошу прощения, я понимаю, какое потрясение эта гибель, но чем скорее следствие выяснит все детали этого вечера, тем выше шансы поймать убийцу. Кто был в ресторане с...

---

¹ Сюрте — генераль — французская сыскная полиция. — *Здесь и далее прим. авт.*